

ИРОНИЯ И ИМПРОВИЗАЦИЯ

Недавно артисту Театра имени Комиссаржевской Станиславу Ландграфу было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. Мы рассказываем сегодня об одной из последних его ролей — роли Герострата в спектакле по пьесе Г. Горина.

— ЛЮДИ! Этот храм сжег я! Мое имя! — Герострат! Герострат! Герострат! Первое появление Станислава Ландграфа в сине-фиолетовом проеме на черном заднике с горящим факелом в руке — как взрыв! — Герострат! — Отчетливо, по слогам, вдалбливая в наш мозг каждую букву своего имени. — Да, да, да! Это я, это я, это я! Сжег, сжег, сжег! Запомните, запомните, запомните!

Кто же он — Герострат, сын Стратона, житель древнегреческого города Эфеса? Имя его известно нам как имя человека, уничтожившего один из самых величественных храмов — храм Артемиды Эфесской. Драматург Г. Горин в пьесе «...Забыть Герострата!» попытался разглядеть в событиях IV века до нашей эры не простую нелепость, трагический парадокс, а своего рода закономерность, обнажить истоки социального зла, чреватого страшными бедами во всех последующих эпохах.

Станислав Ландграф — исполнитель роли Герострата — открыл в самом себе совершенно новые качества. Актер интеллектуальный, умный, актер хорошей школы, он впервые встретился с ролью, требующей наряду с психологической глубиной гротесковой заостренности. Четкий пластический рисунок образа и при этом полное раскрепощение актерской природы, радость сценического существования, живая импровизация — вот что принесла эта роль артисту.

Герострат Ландграфа — не примитивный эгоцентрик, не уродливый, истеричный маньяк. Если, с одной стороны, он мелкий лавочник, базарный шут, фиглярствующее ничтожество, плебей, возмнивший себя «сверхчеловеком», то, с другой стороны, он имеет на это определенные основания как хитроумный и тонко разбирающийся в психологии темной массы человек, умеющий играть на низменных человеческих инстинктах. Герострат Ландграфа — обаятельная личность, ловко приспособляющаяся к порокам своего общества.

Но чем обаятельнее зло, тем оно страшнее, и Герострат страшен. Сильный слабостью других, он несет в мир гибель и разрушение.

Униженная мольба сменяется у Герострата наглостью, трусость — вызовом. Жалкий, скрытный, лежит он на полу своей камеры. Его только что с трудом

отбили у разгневанной толпы. Но проходит несколько мгновений, и он уже подкупает тюремщика, дразнит его, ползая на четвереньках, и, зажав в зубах монету, готовится ее проглотить, если попытаются отнять силой.

Поначалу, совершая поджог в стремлении прославиться, Герострат был готов к смерти, но теперь, оставшись в живых и не будучи убит немедленно, он в камере для смертников готовится к долгой жизни. Ему даже не хочется всерьез спорить с пытающимся урезонить его Человеком

от театра (нашим современником, как бы присутствующим в данной обстановке).

Увлеченно говорит Герострат о своем преступлении, вспоминая, как пламя пожирало величайшее творение человеческих рук, издевательски имитирует шипение огня. Несколько патетично, как бы любясь собственными переживаниями, рассказывает он о четырех страхах, обуявших его в момент поджога и после него. И сразу же резкий переход: подлинно животный страх перед ворвавшимися в тюрьму людьми. Разнообразна актерская пластика. Геростат весь как бы влывен в пол; съездившийся, спрятавший голову куда-то под мышку, он суетливо и лицемерно призывает вспомнить о законах человечности и гуманности, уже не претендуя на положение «сверхчеловека», жалобно кричит на авансцене: «Я человек!» И сразу новый взрыв наглости в сцене с Клеоном, спасшим его от самосуда.

Встреча Клеона и Герострата — это встреча двух смертельных врагов. Но если Клеон поначалу думает, что Герострат мал и ничтожен и закон казнит его, то Герострат уверен в другом — закон законом, но вершат законы люди. А уж людей-то Герострат знает! Люди не могут жить без идолов, они рабы по своей натуре, им нужна сильная личность.

Шаг за шагом наглест и шагает от своей безнаказанности Герострат. Он постепенно расправляет плечи, выпрямляется, и,

хотя готов в любую минуту вновь сжаться в комок, это не узник, а полководец, строящий в своем кабинете-камере планы военных действий, на ходу перестраиваясь и применяясь к противнику. Тюремщик подкуплен, городская шпана пьет на его деньги, межуары распространяются по городу. И будет их еще очень много — ступенек для торжества Герострата.

Одно из важнейших качеств современного актера — способность ко взгляду на своего героя как бы со стороны. Герострат, ироничный по отношению к другим, зачастую ироничен по отношению к самому себе, всерьез не принимая ни слов, ни ситуаций, складывающихся на сцене. Методично добиваясь своего в сцене с Климентиной, он иронически угрожающе: «Смотри, Климентина! Я ведь могу назвать имя и другой женщины», иронически одобрительно: «Молодец, Климен-

тина, так его!», когда Климентина требует, чтобы Человек от театра оставил ее в покое, так как она уже почти подбила Герострата.

С блеском проводит Ландграф финальную сцену. Герострат спокойно идет убивать безоружного Клеона, но лишь только они оказываются на равных, то есть оба берут ножи. Герострат снимает как самый жалкий трус. Он не может, не привык сражаться равным и честным оружием; он готов вновь униженно молить Клеона о пощаде. Но поздно... Клеон уже сделал выбор, и... мы видим умирающего Герострата, он еле держится на слабых ногах, но глядит прямо в лицо Клеону, глядит с торжествующей улыбкой. Да, говорит эта улыбка, ты убил меня, но все-таки прав во всем был я, и смерть моя лишь нелепая случайность.

БОЛЕЕ десяти лет работает Станислав Ландграф в Театре имени Комиссаржевской. Для него, исполнителя многих центральных ролей, роль Герострата стала как бы этапной. Она открыла перед нами новые, неведомые доселе грани его дарования, убедила в больших творческих возможностях артиста, находившегося в расцвете сил, и заставила с нетерпением ждать новых творческих встреч.

Н. КАЗИМИРОВСКАЯ

● На снимке: С. Ландграф в роли Герострата.
Фото Н. Аловерт

«О М Е Н Я»
Ленинград

28 DEC 1976

123